

Фу Сиянь еще до того, как Юй Сухуань открыла рот, догадался, о чем она спросит. Но вот как отвечать — тут он всё еще колебался.

Допрос — это психологическая война, процесс борьбы между тем, кто спрашивает, и тем, кто отвечает. Тот, кто ведет допрос, стремится загнать оппонента в ловушку и выведать правду, в то время как отвечающий, опираясь на уже известную противнику информацию, должен выстроить ответ так, чтобы извлечь из ситуации максимальную выгоду.

Главная проблема, терзавшая сейчас юношу, заключалась в одном: были ли те «Пилюли Девяти Ян», которые он проглотил, теми самыми «Пилюлями Смешанного Ян», что искал Дворец Бессмертных? И если Пэй Юаньцзинь узнает, что он сожрал семь штук, не решит ли этот парень пустить его «на фарш», подобно тому как Лян Цзывэн охотился за Го Цзином?

Он решил прощупать почву и осторожно задал встречный вопрос о лекарстве.

Улыбка Юй Сухуань не изменилась, но сердце её слегка екнуло. Если бы Фу Сиянь не брал лекарство, его бы совершенно не заботило, что оно из себя представляет. Его интерес явно указывал на то, что к исчезновению пилюль он приложил руку.

Но если он не знал о свойствах снадобья, зачем же тогда взял его?

— Эти пилюли жизненно важны для Молодого господина, — она сделала паузу, глядя, как собеседник изо всех сил пытается сохранить спокойствие, за которым всё же проглядывала нервозность. — И они имеют решающее значение для всего Дворца Бессмертных.

«Всё, это конец... — Сиянь опустил голову. — Влип по самые уши»

Он опустил взгляд и, словно невзначай, уточнил:

— О, неужели это лекарство позволяет достичь вершин боевого мастерства?

«Я проглотил семь штук и разом перемахнул через целую стадию. Если их примет Пэй Юаньцзинь, он что, сразу станет непобедимым богом?»

Чем больше он об этом думал, тем сильнее становилась паника. Когда же управляющая задумчиво произнесла: «В каком-то смысле можно сказать и так», Сияня едва не хватил удар. Он твердо решил стоять на своем до последнего — ни в чем не признаваться!

Однако Юй Сухуань вкрадчиво продолжала:

— На самом деле отследить путь лекарства не так уж трудно. Есть всего два варианта: либо его

съели, либо передали кому-то другому. Если верно второе, то рано или поздно мы найдем концы. А если первое... Что ж, опытный лекарь легко определит это по пульсу. А в городке Пэйцзе недостатка в лекарях нет.

Услышав это, Фу Сиянь понял: лазейки закрыты.

Во-первых, Тан Гун жив, и он непременно попытается свалить всё на него. Дворец Бессмертных так дорожит этим снадобьем, что не отпустит его, пока не добьется ясности.

Во-вторых, действие пилюль налицо. Стоит людям Пэй Юаньцзиня найти Чу Шаояна, и перемены в его состоянии станут очевидными.

В-третьих...

А нужно ли это «в-третьих»? Первых двух причин было более чем достаточно, чтобы погубить его.

Сиянь тяжело вздохнул:

— Я съел Пилюли Девяти Ян, которые мне дал господин Лян.

Юй Сухуань на мгновение застыла:

— Что?

Юноше пришлось повторить.

— Сколько штук? — голос женщины стал суровым.

Глядя на бодрого и совершенно здорового толстяка, она была уверена, что тот съел максимум одну пилюлю. Вместе с двумя, которые проглотила Тан Баюнь, должно было остаться еще шесть. Управляющая уже прикидывала, как их вернуть, когда пленник тихо пробормотал:

— Семь.

— Что?! — её голос сорвался на крик.

Фу Сиянь тут же пожалел о сказанном. Он не знал, сколько всего было пилюль. Когда он спрашивал Лу Жуйчуня, тот промолчал, и Сиянь решил, что Тан Гун забрал себе большую часть, а ему достались остатки. Но, видя реакцию тётушки Юй, он вдруг осознал: семь штук — это и была львиная доля!

— Как выглядели эти пилюли? — быстро спросила Юй Сухуань.

Черные, круглые, теплые на ощупь... Все эти описания Лу Жуйчунь уже приводил, и Сиянь не питал иллюзий. Он упорно повторял: «Господин Лян дал мне Пилюли Девяти Ян», пытаясь создать образ невинной жертвы обстоятельств.

К сожалению, Юй Сухуань проигнорировала его хитрости. Впервые она отбросила свою элегантность: подхватив подол юбки, женщина поспешно вышла, отдавая на ходу распоряжения привести двух лекарей усадьбы и найти записи о состоянии здоровья Сияня, сделанные до этого случая.

Лекари, едва придя в себя после внезапного налета воинов Дворца, и без того дрожали от страха, а когда их вызвали по именам, и вовсе едва не лишились чувств. Представ перед управляющей, старики тряслись как осиновы листья и не могли связать и двух слов.

Тётушка Юй была недовольна, но других врачей под рукой не оказалось, поэтому она велела им приступать.

Двое седовласых старцев опустились на колени и дрожащими руками принялись щупать пульс юноши. Ему стало неловко, и он попытался их утешить:

— Ваш господин Лян уже осматривал меня, он тоже не нашел способа помочь.

Он хотел сказать, что ничего страшного, если они не справятся, но не учел одного: мужчины уже знали о смерти Ляна. Решив, что если они не смогут помочь, то последуют за ним в могилу, старики впали в истинный ужас.

Сиянь, чувствуя, как на его запястье мелко подрагивают чужие пальцы, молча закрыл рот.

К счастью, лекари, прослужившие в усадьбе долгие годы, знали свое дело. По очереди осмотрев пациента и пошептавшись в углу, они направились к Юй Сухуань с отчетом. Она стояла совсем рядом с камерой, так что юноша, наострив уши, мог разобрать почти каждое слово.

Врачи заявили, что Фу Сиянь — человек крепкого телосложения, здоров как бык, и разве что нуждается в диете, чтобы сбросить лишний вес. Видимо, прослышав, что господин Лян ставил Сияню банки, они благоразумно решили об этом не упоминать.

— А как насчет избытка влаги и холода в его теле? — уточнила управляющая.

Один из лекарей ответил:

— Судя по всему, этот молодой господин практикует технику Ци янской природы. Достигнув стадии Закалки Костей, он сам сможет легко изгнать холод и влагу из своего организма.

Юй Сухуань протянула им старые записи о пульсе:

— Есть ли способ довести человека, описанного здесь, до состояния господина Фу?

Она предусмотрительно оторвала имя, поэтому лекари не знали, что речь идет об одном и том же человеке. Они долго совещались, обмениваясь многозначительными взглядами, пока один не произнес:

— Это не выглядит невозможным. При должном уходе результат может проявиться через год или два.

Сердце тётушки Юй упало.

— А если использовать чудодейственное лекарство предельной энергии Ян? Можно ли добиться такого эффекта за два-три дня?

— Любое лекарство — это в какой-то мере яд, — возразил старик. — Если воздействие будет слишком резким, болезнь уйдет, но тело не выдержит и разрушится. Овчинка выделки не стоит.

Оба врача были единодушны. Управляющая велела увести их, а Ци Чжуну приказала проверить каждую мелочь в прошлом Фу Сияня, не упуская ни одной зацепки.

Слушая её суровый голос, Сиянь тоже помрачнел. Он вытащил из-за пазухи все свои ценности, разложил их на полу и, отобрав тысячу лянов, поделил их поровну между Чжунсинем и Гэнгэном. Затем он скрепя сердце попытался просунуть банкноты сквозь решетку.

Увы, щели были слишком узкими. Стоило ему просунуть руку по запястье, как она застряла. Юноша горестно вздохнул:

— Неужели сама судьба велит мне забрать эти деньги с собой в могилу?

Не успел он закончить фразу, как чья-то рука ловко вынырнула из соседней камеры и выхватила банкноты. Чжоу Гэнгэн спрятал руку обратно и, глядя на деньги, недоуменно спросил:

— Молодой господин?

— По пятьсот лянов на брата, — ответил Сиянь. — Считайте, что взял у вас займы под проценты: отдадите двенадцать за десять.

— ...А можно не брать в долг? — пробормотал Гэнгэн. — Нам их тут всё равно тратить некуда.

Чжоу Чжунсинь заметил среди банкнот рецепт мыла:

— А это что?

— Передайте моему дяде, он поймет, — сказал Сиянь. — Тот рецепт с изготовлением льда он разгадал с одного взгляда, думаю, и с этим справится. Я прожил в этом мире шестнадцать лет, много потреблял и мало производил. Пусть этот рецепт станет платой за моё воспитание.

Почуввав в его словах дурное предзнаменование, Чжунсинь поспешно спрятал деньги и рецепт, вернувшись к изучению тюремного замка.

Тем временем Ци Чжун во время обыска нашел записи Тан Гуна о Фу Сияне, которые оказались куда подробнее его собственных. Юй Сухуань, пролистав пару страниц, тяжело вздохнула. Она никогда не была склонна к унынию, считая, что вздохи притягивают неудачу, но за сегодняшний день она исчерпала лимит на год вперед. Сжав свиток в руке, она спросила:

— Где Молодой господин?

***

Пэй Юаньцинзнь поначалу не собирался встречаться с Тан Гуном. Та краткая встреча в отдаленном дворике уже была величайшей милостью с его стороны, и Владыка усадьбы его жестоко разочаровал. Как бывший второй ученик главы Зеркала Неба и Земли, он вел себя просто жалко. Ограниченный, близорукий, глупый, злобный и хладнокровный... Под его личиной благородного старца скрывалась грязная и уродливая душонка.

Однако допросы других подчиненных не принесли плодов: в плане стойкости к пыткам этот человек всё же сохранил лицо хозяина усадьбы. Пэй Юаньцинзнь как раз закончил кормить Белого тигра и, снедаемый скукой, решил лично навестить пленника.

Тан Гун сидел на полу, обхватив колени. Его дорогая одежда превратилась в лохмотья, сквозь которые проступали пятна крови.

Допросы бывают разными. Нежелание пленника сотрудничать и его вызывающее поведение привели в ярость людей Пэй Юаньцинзня, поэтому они прибегли к жестоким мерам. Его не связывали: просто заблокировали Ци и начали обстреливать из-за решетки тайным оружием, иногда смазанным странными составами.

Поза Тан Гуна, разумеется, не была попыткой закосить под утонченного поэта — просто последние удары целились исключительно в нижнюю часть тела, что приводило его в бешенство и заставляло гореть от стыда.

Едва Молодой господин появился, пленник сплюнул кровавую слюну:

— Великий Дворец Бессмертных, а методы — как у последнего ворья!

Пэй Юаньцинзнь не собирался тратить время на пустую болтовню и спросил в лоб:

— Кто дал тебе Пилюли Смешанного Ян?

Тан Гун злобно осклабился:

— Хочешь знать? Что ж, я скажу. Это был Мо Сяожань.

Юноша на мгновение задумался.

— В день свадьбы Мо Сяожаня ты едва не похитил его невесту. Теперь он дает тебе пилюли, чтобы убить тебя моими руками — вполне логично. Но почему же ты попался на этот крючок? Потому что ты идиот?

«Идиот?» Он смеет называть его идиотом?!

Тан Гун пришел в ярость. До сих пор он не считал, что совершил ошибку. Единственным просчетом, по его мнению, было то, что он недооценил Фу Сияня. По его первоначальному плану, толстяк должен был сожрать одну пилюлю, после чего его внутренности должны были вспыхнуть в невыносимой боли. Тогда бы Владыка усадьбы просто подбросил остальные пилюли в их двор и привел бы Лу Жуйчуня для формального обыска. Вина легла бы на гвардейцев сама собой.

Позже, когда Сиянь сам попросил лекарство, он просто изменил план, отдав ему все пилюли сразу — так даже подбрасывать ничего не пришлось.

К несчастью, Лу Жуйчунь из-за Ци Чжуна опоздал на два дня, а Фу Сиянь умудрился спрятать лекарство. Тан Гун до сих пор не верил, что человек способен проглотить семь пилюль разом и не взорваться. Словом, если бы не этот жирный выскочка, его план был бы безупречен.

Старик поднялся и надменно бросил:

— Не смей так со мной разговаривать! Когда ты еще в колыбели лежал, я на твоих смотринах вино пил. Если ты тронешь меня, мой наставник тебе этого не простит!

Пэй Юаньцин не обратил на него внимания, словно обращаясь к пустоте:

— Глава Ши принял тебя в ученики только из-за заслуг твоей семьи. Он не знал, что под личиной бездарности скрывается сердце, полное амбиций. Ты жаждал места главы Зеркала Неба и Земли и покушался на его дочь. Интересно, знает ли твоя жена, что ты когда-то расторг помолвку с ней в надежде войти в семью главы Ши? И знает ли твой племянник, что после позорного возвращения ты отравил собственного брата, чтобы захватить власть в этой усадьбе?

— Ложь! — взревел Тан Гун.

Молодой господин оставался бесстрастным:

— Впрочем, мне не нужны твои признания. Я и так знаю, кто дал тебе лекарство. Подобное тянется к подобному: это был такой же глупец и подлец, как и ты, просто он сам этого еще не осознал.

Он развернулся и пошел прочь. Юноша решил дожидаться прибытия аптекаря Цзян Сю — тот найдет способ развязать Тан Гуна язык. Этот человек оказался еще ничтожнее, чем он предполагал; визит к нему был пустой тратой времени.

Тан Гун дышал тяжело, его лицо пошло красными пятнами. Из его левого плеча сочилась кровь — это не была рана от допроса. Он сам распорол себе кожу обломком тайного оружия. В том месте у него были защиты две спасительные пилюли: красная и синяя.

Красная могла на мгновение пробудить весь скрытый потенциал человека, позволив временно прорваться на новую стадию. Синяя погружала в состояние мнимой смерти.

Он проглотил красную.

Пока Пэй Юаньцзинь не пришел, Тан Гун пытался восстановить силы и сбежать, но сейчас нить его рассудка окончательно оборвалась. Ярость и безумие затопили его сознание. Он забыл о плане и просто бросился вслед за Молодым господином.

Юноша обернулся и увидел, как тело Тан Гуна, прикинувшего к решетке, буквально разорвало изнутри.

Несмотря на то, что Пэй Юаньцзинь мгновенно выставил щит из Ци, кровавые брызги и тошнотворный запах плоти заставили его поморщиться.

Когда появилась Юй Сухуань, он уже собирался смыть с себя эту грязь. Услышав о самоподрыве Тан Гуна, она опешила. В её представлении такие властолюбцы должны были до последнего цепляться за жизнь. Но, видимо, даже у амбиций есть предел.

Дело сделано, и теперь ей нужно было думать о последствиях. Усадьба Ивового Древа пользовалась огромным авторитетом не только в мире боевых искусств, но и среди простого народа. Поэтому управляющая планировала сначала разоблачить преступления Тан Гуна десятилетней давности, а затем посадить на его место племянника — капитана Тана.

Самого же пленника собирались держать в темнице до тех пор, пока не придет ответ из штаба. Теперь же ситуация осложнилась.

— Мо Сяожань никогда не делает ничего без выгоды, — с тревогой заметила она. — Живой Тан Гун поспешил бы откреститься от него, но мертвый... Теперь Мо может использовать это как повод потребовать от нас компенсации.

Пэй Юаньцзинь холодно усмехнулся:

— Значит, мы ударим первыми. Отправь тела Тан Гуна и его дочери к Мо Сяожаню. Пусть ответят: кто подговорил Тан Баюнь украсть лекарство и кто приказал Тан Гуна взорвать себя, чтобы забрать меня с собой в могилу!

Юй Сухуань замерла. Тан Гун действительно взорвался сам, и Молодой господин был единственным свидетелем. Что ж, такая версия была ничуть не хуже любой другой.

Вернувшись в комнату, Пэй Юаньцзинь уже начал скидывать одежду, но, заметив вошедшую тётку Юй, недовольно нахмурился:

— Тётушка Юй, что-то еще?

Она горько улыбнулась:

— Увы, есть еще одно дело.

***

Чжоу Чжунсинь еще не успел осуществить свой побег, когда Фу Сиянь внезапно вызвали на допрос. Его привели в роскошную гостевую комнату и подали обильное угощение.

Сиянь, хоть и был голоден, смотрел на жирные куриные ножки и ароматные ребрышки без малейшего аппетита. Он слышал, что смертникам перед казнью всегда дают плотно поесть — «последняя трапеза», чтобы на том свете не голодать. Именно поэтому заключенные больше всего на свете боятся улучшения рациона.

И он боялся.

Он пытался заговорить с тем, кто принес еду, но слуга был словно каменное изваяние. Когда тот ушел, юноша тут же бросился к двери. Она была не заперта! Перед ним лежал свободный путь, а в коридоре не было ни единой души.

Толстяк замер.

«Этот капкан сделан слишком топорно... В играх хотя бы кат-сцену показывают или какого-нибудь ниндзя, отвлекающего стражу. А тут — явное приглашение на выход под лозунгом «впереди опасность». Нет уж, дураков нет»

Опасаясь, что его действия истолкуют неверно, он поспешно захлопнул дверь, а для верности еще и подтолкнул её плечом.

Пэй Юаньцзинь, наблюдавший за всем этим через потайное отверстие в стене, лишился дара речи. Он молча перевел взгляд на Юй Сухуань.

Управляющая лишь улыбнулась:

— Я же говорила: он человек незаурядный.

Молодой господин презрительно фыркнул:

— Труслив как мышь. Будь я на его месте, я бы рискнул, даже имея один шанс из тысячи!

Раньше он не обращал на этого бастарда никакого внимания, сосредоточившись на Тан Гуне и Лу Жуйчуне. Теперь же, зная, что тот мог сожрать пилюли, он присмотрелся к нему повнимательнее: жирный, лоснящийся, с самодовольной миной... Он вызывал у юноши еще большее отвращение, чем лицемер Тан Гун!

Видя, как Фу Сиянь мечется по комнате, словно испуганный грызун, Пэй Юаньцзинь раздраженно спросил:

— Когда прибудет аптекарь Цзян?

Аптекарь Цзян Сю выехал вместе с ними, но не выдержал бешеной скачки и немного отстал. Юй Сухуань прикинула время:

— В лучшем случае — сегодня ночью, в худшем — к завтрашнему полудню.

Молодой господин прождал до полуночи, но Цзян Сю так и не появился. Весь отдел перешел на режим работы «без сна и отдыха». Усадьбу перевернули вверх дном уже в пятый раз, но следов пилюль так и не нашли.

Ци Чжун уже допросил Чжунсиня и Гэнгэна, но, помня наказ тётушки Юй не применять пытки, не решался сразу нести протоколы. Он допрашивал их снова и снова, пока не наступил рассвет.

Управляющая не смыкала глаз всю ночь. Получив показания гвардейцев, которые полностью совпадали со словами Сияня, она всерьез обеспокоилась. Вчерашнее поведение Молодого господина ясно давало понять: он не верит в то, что Сиянь проглотил семь пилюль и выжил. Но пока врачеватель не сказал своего слова, дело не считалось закрытым. Страшно было представить, какотреагирует Пэй Юаньцзинь, когда правда подтвердится.

К полудню долгожданный Цзян Сю наконец прибыл. Юй Сухуань встретила его и вкратце обрисовала ситуацию.

Аптекарь лишь фыркнул:

— Семь штук? Исключено!

Он сам создал эти пилюли и лучше всех знал их мощь. Три штуки — это абсолютный предел. В нынешнем мире не могло существовать человека, способного переварить семь.

Услышав это, Пэй Юаньцзинь немного успокоился. По его расчетам, даже если жирдяй съел три штуки, должно было остаться еще четыре... Хоть один полный курс сохранился.

Вместе с управляющей он сел в соседней комнате, наблюдая, как аптекарь Цзян решительной походкой входит к Сияню. Фу Сиянь, который после долгого сна и плотного обеда сидел у окна, взглянул на вошедшего отсутствующим взглядом.

— О чем задумался, юный друг? — небрежно спросил Сю.

Сиянь, привыкший не следить за языком, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Я вот гадаю: меня тут что, за личную игрушку держат?

...

Цзян Сю невольно покосился на стену, за которой было скрыто отверстие. Конечно, он не видел, как потемнело лицо Пэй Юаньцзиня, но за годы знакомства мог это легко представить. Он с сочувствием посмотрел на Фу Сияня.

Тот решил, что его догадка верна, и у него внутри всё похолодело.

«Неужели даже жир не смог скрыть его неземную красоту?!»

Аптекарь поманил его рукой:

— Подойди-ка, я проверю твой пульс.

Сиянь послушно сел рядом. Пока мужчина прощупывал жилы на его запястье, парень снова не удержался от глупости:

— Вы только на задницу мою не смотрите. Пусть она и выдающаяся, но пол не тот — рожать я всё равно не смогу.

Рука аптекаря дрогнула. В соседней комнате Юй Сухуань, глядя на побагровевшего Пэй Юаньцзиня, едва сдерживала смех:

— Я же говорила: он человек незаурядный.

— Раз он не может наследовать титул и не имеет чинов, — процедил Молодой господин, — пусть остается во Дворце на побегушках, раз так того хочет.

Тётушка Юй испугалась, что её шутки могут погубить юношу, и уже хотела заступиться, но тут Сю издал удивленный возглас, и его лицо стало серьезным.

Железный аптекарь Цзян Сю был одним из лучших врачей в Поднебесной. Его мастерство было несопоставимо с умением обычных лекарей. Он в упор посмотрел на Сияня:

— Когда ты начал полнеть?

— Отец говорит, я таким уже родился, — честно ответил Сиянь.

Мужчина нахмурился:

— И тебе никак не удастся похудеть?

Сиянь закивал. Это был первый врач, который сам указал ему на эту странность.

— Кем была твоя мать? — спросил Цзян Сю.

Для лекаря вопрос был явно лишним. Сиянь с подозрением взглянул на него:

— А какая связь между моей матерью и моими неудачными попытками сесть на диету? Она была стройной, так что это точно не наследственность.

— Просто отвечай, когда спрашивают! — прикрикнул Сю.

— Моя мать — наложница Бай из поместья графа Юнфэна. Она была в отчаянном положении и продала себя в дом графа.

Многие в этом мире стеснялись бы упоминать о таком происхождении, но Сиянь к ним не относился. Во-первых, он помнил свою прошлую жизнь и был несказанно рад самому факту рождения в аристократической семье. Ему было плевать, что его мать — всего лишь наложница, ведь закон это признавал. Во-вторых, атмосфера в доме графа была здоровой, всех детей держали в строгости, так что преимуществ у законных сыновей перед ним почти не было.

Цзян Сю, будучи человеком из мира боевых искусств, тоже не видел в этом ничего зазорного. Он продолжил:

— Почему она была в отчаянном положении?

Сиянь замялся:

— Наверное... денег не было?

Врачеватель понял, что парень знает немного, и недовольно спросил:

— Где она сейчас?

— Её уже нет в живых, — печально ответил юноша.

Аптекарь на мгновение задумался.

— Протяни-ка руку снова, я еще раз посмотрю.

Второй осмотр длился целую вечность, и Сиянь начал всерьез беспокоиться.

— ...Доктор, я вообще жилец?

Сю испытывал весьма противоречивые чувства.

— Трусно сказать.

Учитывая характер Пэй Юаньцзиня, Сиянь был почти трупом. Но учитывая его нынешнее состояние... убить его было бы просто глупо. Словом, всё зависело от Молодого господина.

Аптекарь, проигнорировав вытянувшееся лицо толстяка, небрежно подхватил свой саквояж и вышел. Обойдя кругом, он зашел в соседнюю комнату. Пэй Юаньцзинь и Юй Сухуань уже сгорали от нетерпения.

Молодой господин всегда старался сохранять невозмутимость, поэтому право задать вопрос досталось управляющей:

— Ну как?

На самом деле Сю и самого так распирало от новостей, что он не нуждался в расспросах.

— Этот человек непрост.

Такое начало сразу задало тон беседе: стало ясно, что реальность превзошла все ожидания. Брови Пэй Юаньцзиня сошлись у переносицы. Аптекарь же, полностью погруженный в свои мысли, продолжал:

— Я всегда говорил, что обновленное «Искусство Священного Пламени» — техника чудовищной, запредельной мощи. Она выходит за рамки того, что способно выдержать человеческое тело. Мало того, что практикующий не может познать близость с женщиной, так он еще и рискует сам сгореть изнутри от переизбытка энергии Ян. Поэтому я создал Пилюлю Смешанного Ян. С одной стороны, она должна подготовить тело партнера, сделав его сосудом, способным уравновесить Инь и Ян, чтобы энергия практикующего не испепелила его. С другой стороны, она помогает самому мастеру смягчить ярость техники и взять её под контроль.

— Нужно принять ровно три пилюли, — продолжал Сю. — Первая закладывает основу. Вторая прочищает меридианы. Третья доводит баланс до совершенства, превращая яростный Ян в мягкое спокойствие. Именно три, потому что это предел. Даже тех, кто способен выдержать три штуки, в мире — по пальцам пересчитать. И для этого нужны не только уникальные способности, но и мои специальные ванны из трав. Четвертая пилюля... тут даже мои ванны бессильны. Обычный человек просто сгорит заживо.

Пэй Юаньцин и Юй Сухуань слышали это сотни раз, но аптекарь явно вел к чему-то новому. И действительно: его глаза лихорадочно заблестели.

— Я так думал раньше. Но я и представить не мог, что кто-то способен нарушить все законы!

— Как он их нарушил? — быстро спросила управляющая.

— Гу! Это всё Гу! — Сю возбужденно ударил кулаком в ладонь. — Насекомое Гу способно изменить человеческую природу, превращая невозможное в реальное.

— Что это за Гу?

Он покачал головой:

— Не знаю. Я лекарь, а не заклинатель насекомых. Но это явно нечто из ряда вон выходящее. Только самое могущественное Гу способно так радикально перестроить человеческое тело.

Юй Сухуань задумчиво произнесла:

— Хочешь сказать, полнота Фу Сияня вызвана этим Гу?

— Да хоть голодом его морите месяц! Клянусь, он и в могилу ляжет таким же пухлым! — воскликнул Сю.

Тётушка Юй симпатизировала Сияню, поэтому и не подумала бы о таком, но Молодой господин, судя по взгляду, на мгновение всерьез задумался над этим предложением. Управляющая поспешила сменить тему:

— Так сколько же пилюль он всё-таки проглотил?

Мужчина вскинул брови:

— Он же сам сказал — семь. Значит, семь.

Управляющая осторожно взглянула на господина.

— Но ты же сам говорил, что это невозможно?

— Я не император, мои слова — не закон, — огрызнулся Сю. — Откуда мне было знать про Гу? Раз есть Гу, значит, возможно и семь. Судя по его состоянию, пять или шесть в нем точно сидит.

Пять, шесть или семь — разницы уже почти не было.

— И что нам теперь делать?

Вопрос повис в тишине. Все замолчали.

Цзян Сю, немного подумав, произнес:

— Новых Пилюль Смешанного Ян мне уже не создать. Ведь у каждого человека... шанс бывает только раз.

Пэй Юаньцзинь понял, о чем речь, и его лицо окончательно помрачнело. За сегодня он хмурился чаще, чем за все последние годы.

— Однако, — медленно протянул аптекарь. Юй Сухуань и Молодой господин мгновенно вскинули головы. Цзян Сю продолжал как ни в чем не бывало: — Если не думать о продолжении рода, то какая, в сущности, разница между мужчиной и женщиной? Тот баланс Инь и Ян, который сформировался в этом толстяке, превосходит все мои самые смелые ожидания. Он идеален! Это же в сто крат лучше любой девицы, которую пришлось бы месяцами отмачивать в ваннах после трех пилюль. Смирись и бери, что дают!

***

Грохот!

Дом внезапно содрогнулся и начал рушиться. Фу Сиянь, весь в пыли и известке, выбрался из-под обломков. Озираясь по сторонам, он увидел Цзян Сю и Юй Сухуань, которые стояли в коридоре, судорожно отряхивая одежду.

А прямо перед ним, там, где была его комната, среди руин невозмутимо сидел тот самый пафосный красавчик. Вокруг него словно образовался вакуум — ни одна щепка не посмела упасть в этот незримый круг.

Да, Сиянь решил, что произошло землетрясение. Отряхнув одежду, он с надеждой посмотрел на тётушку Юй:

— Леди, может... я лучше в тюрьму вернусь?

Уж больно ненадежным казался ему этот «карточный домик» в усадьбе. Управляющая вопросительно взглянула на Пэй Юаньцзиня, но тот хранил гробовое молчание.

Сиянь перевел взгляд с безмолвной женщины на спокойного, как статуя, юношу и, кажется, что-то понял. Он шепотом спросил Юй Сухуань:

— Ему что, помолиться надо, чтобы он заговорил?

Юй Сухуань и Пэй Юаньцзинь...

В тот же миг юношу отправили обратно в подземелье.

В тюрьме Чжунсинь и Гэнгэн, только что вскрывшие замок, нос к носу столкнулись с вернувшимся Сиянем. Несколько секунд они молча пялились друг на друга; в воздухе повисла густая неловкость.

Сиянь первым пришел в себя. Он молча зашел в свою камеру и аккуратно прикрыл за собой дверь. Гвардейцы, не мешкая, последовали его примеру, на всякий случай щелкнув замком, будто ничего и не было.

Воины Дворца Бессмертных, наблюдавшие за этой сценой, лишились дара речи.

***

Обо всём, что произошло в подземелье, немедленно доложили Юй Сухуань. Она гадала, сможет ли эта новость хоть немного развеселить Пэй Юаньцзиня, который заперся в комнате и, судя по всему, пребывал в ярости. Скорее всего, нет. Сейчас всё, что было связано с именем Фу Сияня, вызывало у него лишь желание убивать.

Когда она подошла к его дверям, оттуда как раз выходил Цзян Сю. По его лицу было ясно: попытка уговорить Молодого господина провалилась. Аптекарь, как истинный лекарь, настаивал на том, что здоровье превыше всего, а методы лечения — лишь средство достижения цели. Но пациент и слушать не хотел: новый «план лечения» слишком уж отличался от того, на что он рассчитывал.

Юй Сухуань постучала. Дверь была открыта. Пэй Юаньцзинь сидел у окна, машинально поглаживая голову своего Белого тигра. В его всегда острых глазах застыла нескрываемая меланхолия.

Его можно было понять. Девять пилюль на троих — как раз на жену и двух наложниц, таков был его план. А теперь и пилюль не осталось, и количество сократилось до одного, да еще и пол... Как тут не впасть в уныние? И что за чушь нес Сю про то, что «разницы в весе почти нет»?

— Если ты тоже пришла меня уговаривать, то лучше молчи, — холодно бросил Пэй Юаньцзинь.

— Седьмая принцесса просит аудиенции у ворот усадьбы, — ответила управляющая.

Молодой господин иронично хмыкнул:

— Разве ты не сказала ей, что все Пилюли Смешанного Ян уже съедены?

— Принцесса лишь услышала, что Молодой господин собирается жениться, — пояснила тётушка Юй. — Похоже, она и понятия не имеет, что это за пилюли.

Пэй Юаньцзинь отвернулся, теряя интерес к разговору. Управляющая присела за стол:

— Когда мы отправляемся домой?

— Мы не возвращаемся.

Тётушка Юй удивленно вскинула брови.

— Едем в Лоян, — отрезал он.

— Зачем?

— Проверим счета.

Юй Сухуань замерла. Четыре великих управляющих Дворца соответствовали четырем отделам, и она ведала финансами. После того как Пэй Сюнцзи ушел в затвор, контроль центра над провинциями ослаб. Всякий раз, когда наступало время сдавать отчеты и налоги, местные отделы под разными предлогами задерживали выплаты. Сначала это были единичные случаи, но со временем это стало дурной традицией. Управляющая предпочитала не лезть в бутылку, тем более что доходов штаб-квартиры хватало на жизнь.

Но Молодой господин явно не собирался с этим мириться.

— Время для отчетов еще не пришло, — заметила она.

— Вот именно поэтому мы едем с проверкой, — парировал Пэй Юаньцзинь. — Отдел в Лояне жалуется на жестокую конкуренцию и пустые сундуки? Что ж, поедem и лично убедимся, как они там «выживают».

Видя, что он тверд в своем решении, тётушка Юй спросила:

— А люди из усадьбы?..

— Действуй по первоначальному плану.

План заключался в том, чтобы сделать новым хозяином капитана Тана. Управляющая уже рассказала ему правду о смерти отца, и всё было улажено: отныне усадьба будет верно служить Дворцу Бессмертных.

— Я немедленно распоряжусь отправить Тан Баюнь в Зеркало Неба и Земли, — сказала женщина.

— Погоди, — юноша на мгновение задумался. — Отправь её к Цзян Сю.

Юй Сухуань недоуменно нахмурилась.

— Она ведь тоже проглотила две штуки, не так ли? — холодно заметил он.

Очевидно, на фоне Сияня, Тан Баюнь с её двумя казалась ему куда более приемлемым вариантом.

— А как же Фу Сиянь? — осторожно спросила тётюшка Юй после долгой паузы.

На этот раз молчание Пэй Юаньцзиня затянулось еще дольше.

— Он ведь искал принцессу, не так ли?

***

Осенний ветер приносит прохладу, а иногда — и свободу. Когда Сиянь вместе с Чжунсином и Гэнгэном вышел за ворота усадьбы и увидел знакомые улицы, радость едва не заставила его расплакаться. Он чувствовал себя так, словно заново родился.

Гвардейцы смотрели на него, ожидая какой-нибудь воодушевляющей речи после спасения. Сиянь откашлялся:

— Тан Гун так и не вернул мне те деньги.

Слуги промолчали.

— Что ж, — философски заметил юноша, — будем считать это платой за избавление от бед.

Он снова прикрепил свою золотую табличку к поясу. После всего, что произошло в усадьбе, и двух личных встреч с Молодым господином Дворца Бессмертных, его прежний страх перед Чу Шаояном казался просто смешным. Тем более что теперь он был на пике стадии Закалки Костей и мог не опасаться никого ниже уровня Ваджры.

Едва он закрепил жетон, как услышал неподалеку испуганный вскрик. Две девушки, бросив на него мимолетный взгляд, в панике бросились наутек. Троица переглянулась: каждый втайне гадал, кто из них настолько уродлив, что до смерти напугал бедных девиц.

Они и не подозревали, что одной из них была та самая принцесса, которую Чу Гуан и остальные так отчаянно искали. Пэй Юаньцзинь намеренно запретил управляющей говорить им об этом: он хотел насладиться их отчаянием, когда они поймут, что упустили цель прямо у ворот.

Впрочем, Сиянь и не думал никого искать. Даже если бы тётушка Юй ему сказала, он бы и бровью не повел. В конце концов, Чу Шаоян был поблизости, а юноша, как верный помощник, не собирался отбирать у него заслуги.

Выйдя из усадьбы, они первым делом плотно поели, а затем направились к дому Го Пина. Сиянь хотел вернуть купчую, но дверь им открыла незнакомая седовласая женщина. Она заявила, что их семья купила этот дом три дня назад.

— Как это — купили без купчей?! — поразился Гэнгэн.

Старуха возмущенно вытаращилась на него:

— Чёй-то ты мелешь?! Кто ж покупает без бумаг? Всё у нас есть!

Сиянь вытащил свою купчую и показал ей. Пожилая женщина ахнула и вынесла свою бумагу. Обе были подлинными, только одна выглядела чуть новее другой. Видя, как побледнела от страха женщина, Сиянь просто протянул ей свой документ:

— Вот, заберите обе себе. Пусть будут.

Она дрожащими руками приняла бумаги и долго смотрела им вслед, не зная, то ли бояться, то ли благодарить.

***

Миновав дом лекаря, Сиянь и его спутники снова оказались в том самом тихом переулке. Звук их шагов казался теперь удивительно одиноким.

— Видимо, Го Пин заранее подготовился к побегу, — заметил Чжунсинь.

— Но почему он не уехал раньше? — недоумевал Гэнгэн.

— Скорее всего, искал покупателя.

Вспомнив, как при последней встрече лекарь прикидывался простачком и требовал купчую, водя их за нос, Гэнгэн едва не задохнулся от злости:

— Хоть бы мне этот прохвост никогда больше не попадался! Иначе он пожалеет, что на свет

родился!

— Оставь его. Лучше подумай, как нам быть с Чу Шаояном, — сказал Сиянь и остановился.

Впереди, на выходе из переулочка, заложив руки за спину, стоял Чу Шаоян.

Сиянь тяжело вздохнул:

— Честное слово, после встречи с Пэй Юаньцзинем у меня развилась странная болезнь: смотрю на любого — и вижу лишь пафосную позу.

<http://bllate.org/book/15317/1354486>